Бродяга из космоса

Повести - 1

Роберт Силверберг

SHOUT
SHARE
IT

- Бродяга из космоса
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Бродяга из космоса

Роберт Сильверберг. Бродяга из космоса [= Космический бродяга]. Пер. – А. Кон. Robert Silverberg. Space Rogue (1966). – _

1

К площади, на которой в Борлааме проводились аукционы, чужеземец подошел в то время, когда на ней продавали протея. Звали чужеземца Барр Херндон. Это был высокий мужчина с гордым лицом, отмеченным печатью одиночества. Но не таким он родился, хотя и его собственное, первоначальное лицо было в равной степени гордым, а сам он, прежний, был столь же одинок.

Плечами он проложил себе путь через толпу. День был теплый, душный, и немало праздных зевак собралось здесь, чтобы поглазеть на аукцион.

Проводил его какой-то агозлид, маленький и толстый, но с голосом, напоминавшим рев быка. В вытянутой руке он держал протея, то и дело стискивая его, чтобы заставить принимать самые различные формы.

– Смотрите, леди и джентльмены, смотрите, какое множество необычных и захватывающих образов!

Как раз в этот момент протей принял форму восьмилучевой звезды, сердцевина которой была голубовато-зеленой, а каждая конечность огненно-красной.

Побуждаемый тычками безжалостного аукционера, он изменялся по мере того, как молекулы его тела теряли сцепление и отыскивали новую устойчивую структуру… …змеи, дерева, ядовитой рогатой лягушки…

Агозлид торжествующе скалился перед толпой, показывая все пятьдесят своих желтых зубов, длиной до трех сантиметров.

– Ну, какую цену предлагаете? – требующим тоном прокаркал он на гортанном языке Борлаама. – Кто хочет купить это создание из далекой планетной системы?

– Пять стеллоров, – произнесла ярко накрашенная борлаамская аристократка, стоявшая впереди.

– Пять стеллоров? Любопытно, миледи. А кто начнет с пятидесяти? Со ста?

Барр Херндон прищурился, чтобы получше рассмотреть протея. Ему уже доводилось встречаться с изменчивыми формами жизни, и он располагал кое-какими сведениями об их особенностях. Это были очень своеобразные создания, жизнь которых превращалась в сплошные мучения, ни на мгновенье не прекращающиеся с того момента, как они лишались родных мест обитания.

Их плоть обладала способностью непрерывно видоизменяться, принимая самые экзотические формы. Каждое такое изменение вызывало у этих созданий муки не меньшие, чем

те, которые испытывали люди, когда у них обрывали конечности на дыбе при колесовании.

– Пятьдесят стеллоров, – прокудахтал один из придворных Властителей Креллига, неограниченного правителя обширной планеты Борлаам. – Пятьдесят за протея.

– Кто назовет семьдесят пять? – спросил агозлид у толпы. – Я доставил сюда это существо ценой жизни трех рабов, каждый из которых ныне пошел бы не меньше, чем за сотню. Вы хотите, чтобы я оказался в убытке? Стеллоров тысяч на пять?

– Семьдесят пять, – раздался голос из толпы.

– Восемьдесят, – последовал немедленный ответ.

– Сто, – предложила аристократка из первого ряда. Хищное лицо агозлида стало смягчаться по мере стихийного роста назначаемой цены.

Протей продолжал непрерывно извиваться, принимая все более причудливые и вместе с тем жалкие формы. Херндон тесно сжал губы. Ему было хорошо известно, что такое подлинное страдание.

– Двести, – спокойно произнес он.

– О, новый голос! – возопил, ликуя, аукционер. – Голос из задних рядов! Вы, кажется, сказали, пятьсот?

– Двести, – хладнокровно повторил Херндон.

– Двести пятьдесят, – поспешил набавить цену стоявший по соседству какой-то аристократ.

– И еще двадцать пять, – сказал, молчавший до сих пор, владелец цирка.

Херндон нахмурился. Теперь, когда он вступил в торги, он – как и в чем-нибудь другом – всецело увлекся происходящим. Он ни за что не уступит другим этого протея.

– Четыреста, – уверенно предложил он. На мгновение над аукционным кругом воцарилась такая тишина, что даже были слышны с моря крики чаек, устремлявшихся вниз за добычей. Затем раздался спокойный голос из первого ряда:

– Четыреста пятьдесят.

– Пятьсот, – предложил Херндон.

– Пятьсот пятьдесят.

Херндон ответил не сразу, и аукционер-агозлид вытянул свою одутловатую короткую шею, высматривая, кто еще набавит цену.

– Я слыхал пятьсот пятьдесят, – тягуче, нараспев произнес он. – Недурно, но пока что недостаточно.

– Шестьсот, – сказал Херндон.

– Шестьсот двадцать пять.

Херндон с трудом переборол необузданное желание выхватить иглопистолет и пристрелить своего соперника на этих

торгах. Вместо этого он еще крепче сцепил челюсти и процедил сквозь зубы:

– Шестьсот пятьдесят.

Протей весь изогнулся и стал похож на корчащегося от боли псевдокота.

Толпа хохотала от восторга.

– Шестьсот семьдесят пять, – раздался все тот же голос.

Теперь торги превратились в поединок двух соискателей, в то время как все остальные присутствующие стали болельщиками, нетерпеливо ожидающими, кто первый отступит. Херндон присмотрелся к своему оппоненту. Это был рыжебородый придворный с ярко пылающими глазами и двойным рядом бриллиантов на камзоле. Он выглядел неизмеримо богатым. Не было никакой надежды на то, чтобы перешибить такого соперника.

– Семьсот стеллоров, – произнес Херндон. Спешно осмотревшись, он заметил стоявшего неподалеку мальчишку и, не мешкая, подозвал его к себе.

– Семьсот двадцать пять, – произнес аристократ.

– Видишь того человека? – зашептал Херндон мальчишке, – там, чуть впереди меня? Который только что назвал цену? Беги к нему и скажи, что его госпожа послала за ним и ждет его.

Он дал мальчишке золотую монету в пять стеллоров. Тот вытаращил на нее глаза, затем усмехнулся и прошмыгнул между зеваками к аристократу.

– Девятьсот, – предложил тем временем Херндон.

Это было намного больше того, что, возможно, рассчитывал взять за протея аукционер и, скорее всего, даже больше, чем мог себе позволить состоятельный аристократ. Но Херндон прекрасно понимал, что аристократ никак не сможет уступить кому-либо в чем-то, и поэтому ему было предложено отступление с почетом.

– Последняя цена девятьсот, – произнес аукционер. – Лорд Моарис, вы желаете еще набавить?

– Разумеется, – отозвался Моарис, – но меня вызывают, и я должен уйти.

Вид у него был решительный и крайне рассерженный, но то, что передал ему мальчишка, он не подверг сомнению. Херндон решил взять это себе на заметку, дабы при случае воспользоваться. Догадка Херндона оказалась очень верной – он убедился в том, что лорд Моарис, придворный Властителя, бегом бежит, как только его потребует госпожа.

– Цена девятьсот, – повторил аукционер. – Что-то не слышу надбавки?

Девятьсот за такого прекрасного протея! Кто даст тысячу?

Таких не оказалось. Прошли положенные секунды, других голосов слышно не было. Херндон напряженно ждал, стоя в толпе с самого края, пока аукционер монотонно тянул:

– Девятьсот – раз, девятьсот – два, девятьсот и не больше… Протей ваш, приятель, за девятьсот. Подойдите сюда с наличными. А всех остальных прошу вернуться сюда через десять минут, когда мы вам предложим несколько замечательных розовощеких девушек с Виллидона. – До предела непристойными движениями руки его описали в воздухе очертания женских фигур.

Херндон двинулся вперед. Толпа начала расходиться, и когда он подошел к аукционеру, вокруг него уже никого не было. Протей принял облик лягушки и сидел, собравшись в бесформенную груду, как пластилиновый ком.

Херндон встретился со взглядом агозлида, от которого вдобавок еще и мерзко пахло, и представился:

– Протея приобрел я. Кому платить деньги?

– Мне, – забрюзжал аукционер. – Девятьсот стеллоров золотом плюс тридцать стеллоров пошлины – и тварюга ваша.

Херндон прикоснулся к кнопке на своем поясе, и из вставки в нем наружу выскочила низка из стостеллоровых звеньев. Отсчитав девять звеньев, он отделил их от низки и выложил на стол перед агозлидом. Затем выложил из кармана шесть монет по пять стеллоров и небрежно швырнул на стол.

– Оставьте свое имя для регистрации, – сказал аукционер после того, как пересчитал деньги и проверил, не фальшивые ли они. Последнее он проделал с помощью портативного приборчика, измерявшего плотность.

– Барр Херндон.

– С какой планеты?

Херндон на мгновенье задумался.

– С Борлаама.

Агозлид поднял глаза.

– Мне кажется, вы не очень-то похожи на борлаамца. Чистокровный?

– А разве для вас это имеет значение? Да, я родом со славящегося своими полноводными реками материка Зоннигог, и деньги мои в полном порядке.

Агозлид старательно вписал его имя в регистрационную книгу. Затем вновь окинул Херндона наглым взглядом и произнес:

– Так и записали, Барр Херндон из Зоннигога. Теперь вы законный владелец протея. Вам будет приятно узнать о том, что

он уже обучен, приведен к покорности и смирился со статусом раба.

– Это меня очень радует, – спокойно произнес Херндон. Агозлид вручил ему сверкающий диск из полированной меди с выбитым на нем девятизначным числом.

– Это кодовый ключ. В случае, если раб потеряется, принесите ключ в борлаамский Централ и его выследят, чтобы вам возвратить.

Затем он вынул из кармана миниатюрный излучатель и небрежно передвинул его через стол.

– А это ваш резонатор. Он настроен в резонанс с ячейками специальной сетки, имплантированной в ткани тела протея на субмолекулярном уровне.

Вынуть ее для перенастройки невозможно. Вам не нравится, как ведет себя эта тварь – просто потрясите резонатор. Очень важно, чтобы рабы надлежащим образом соблюдали дисциплину.

Херндон подобрал резонатор и сказал:

– Протей, наверное, и без этого инструмента испытывает немалые мучения. Но я возьму его.

Аукционер сгреб протея и смахнул его с аукционного стенда вниз, к ногам Херндона.

– Теперь он ваш всецело. – К этому времени вокруг них уже никого не было. Толпа зевак перекочевала на противоположный конец площади, где проводился аукцион бриллиантов. Херндон внимательно оглядел окружавшие площадь здания и заметил безлюдный переулок, ведущий к набережной.

Отойдя на несколько шагов от киоска аукционера, Херндон оглянулся.

Агозлид готовился к следующей части своей распродажи. За полупрозрачной занавеской Херндон мельком увидел трех испуганных обнаженных девушек с Виллидона, которых готовили к показу.

Взглянув после этого в сторону моря, он увидел набережную, окаймленную невысокой стенкой, и за нею – яркие зеленые просторы Сияющего Океана. На какое-то мгновенье мысли его устремились на другую сторону Океана, к дальнему материку Зоннигог, где он родился. Затем взглянул на объятого ужасом маленького протея, который к этому времени уже наполовину изменил свою форму.

Девятьсот тридцать пять стеллоров за этого протея. Губы Херндона искривились в горькой усмешке. Это была огромная сумма денег, намного больше того, что мог бы он позволить себе с легкостью вышвырнуть на ветер за одно утро – к тому же в свой

первый день возвращения на Борлаам после длительного пребывания на других планетах.

Но теперь уже ничем нельзя было помочь. Он позволил вовлечь себя в эту авантюру и отказался сойти на полпути. Больше такого он не допустит, решил он твердо, думая о сожженной и опустошенной деревне в Зоннигоге, разграбленной негодяями-мародерами из армии Властителя Креллига.

– Ступай к парапету набережной, – приказал он протею.

Наполовину сформировавшийся рот произнес невнятно:

– Х… хозяин?

– Ты меня понимаешь, правильно? Тогда ступай к стенке. Иди не останавливаясь и не оборачиваясь.

Херндон стал ждать. Протей сформировал ноги и, шатаясь, нетвердой поступью побрел по истертым булыжникам. Девятьсот тридцать пять стеллоров, с горечью отметил про себя еще раз Херндон, и вытащил иглопистолет.

Протей продолжал пересекать базарную площадь в направлении моря.

Кто-то закричал:

– Эй, эта тварь собирается броситься в море! Может быть, лучше остановить ее?

– Протей принадлежит мне, – холодно отозвался Херндон. – Держитесь от меня подальше, если вам дорога собственная жизнь.

Несколько человек ошарашенно глядели на него, но никто не посмел пошевелиться. Протей подошел уже почти вплотную к парапету и в нерешительности остановился. Даже для самых низших форм жизни самоуничижение не может быть желанным, несмотря на то, что это может принести, наконец, избавление от невыносимых страданий.

– Полезай на стенку, – велел ему Херндон. Протей слепо повиновался.

Палец Херндона нежно поглаживал спусковой крючок иглопистолета. Он стал прицеливаться в протея, который уже взобрался на невысокую стенку и теперь глядел вниз, в мутную воду бухты, и сосчитал до трех.

При счете три Херндон выстрелил. Тонкая иглообразная пуля молнией просвистела над булыжниками и вонзилась в спину протея. Смерть должна была наступить мгновенно. Игла содержала нервно-паралитический яд, действующий безотказно на все известные формы жизни.

Схваченное в самой середине стадии очередного превращения, несчастное созданье на какое-то мгновенье замерло на стенке, затем перекувыркнулось и бухнулось в воду. Херндон спрятал оружие в кобуру. Он видел, как качали головами

свидетели этой сцены, и услышал, как кто-то произнес шепотом:

– Только-только уплатил за него почти тысячу, и первое, что сделал это тут же пристрелил.

Да, недешево обошлось ему это утро. Херндон развернулся, намереваясь уйти, но обнаружил, что путь ему преградил какой-то невысокий человек с морщинистым лицом, вынырнувший из толпы, которая собралась в связи с распродажей бриллиантов.

– Меня зовут Боллар Бенджин, – представилась крохотная пародия на человека. Голос незнакомца был похож на сиплое карканье, тело казалось высохшим и сплющенным. На нем была тесная, обшарпанная куртка неопределенного цвета. – Я видел, что вы только что сделали.

– Ну и что из этого? Разве ликвидация раба в общественном месте является нарушением закона? – спросил Херндон.

– Только определенный тип людей может себе позволить такое, не так ли? – произнес Боллар Бенджин. – Или жестокий человек, или безрассудно смелый. К какому типу вы сами себя относите?

– К обоим, – ответил Херндон. – А теперь разрешите мне пройти…

– Всего одну минуту, – каркающий голос неожиданно стал напоминать удары бича. – Давайте поговорим. Если вы не пожалели тысячу стеллоров, чтобы купить раба, которого тут же убили, так не пожалейте же несколько слов для меня.

– Что вам от меня нужно?

– Ваши услуги, – сказал Бенджин. – Я мог бы воспользоваться помощью такого человека, как вы. Вы сейчас свободны и ни от кого не зависите?

Херндон подумал о тысяче стеллоров – почти половине своих денег, которые он только что выбросил на ветер, подумал о Властителе Креллиге, которого ненавидел всей душой и которого поклялся убить во что бы то ни стало. И о морщинистом человеке перед собою.

– Я ни с кем не связан какими-либо обязательствами, – сказал он, – но моя цена высока. Что вы хотите и что вы можете предложить?

Бенджин криво усмехнулся и стал копаться во внутреннем кармане куртки. Когда он вытащил руку, на его ладони сверкали полыхающие солнцем бриллианты.

– Я ими торгую, – сказал он, и за услугу плачу хорошо. – Бриллианты тут же исчезли в кармане. – Если вы заинтересовались, – произнес Бенджин, – то ступайте за мной. – Херндон кивнул. – Да, меня это привлекает.

2

Херндон покинул Борлаам ровно год тому назад. А еще годом раньше – на семнадцатый год правления Властителя Креллига – банда мародеров ворвалась в его родную деревню на материке Зоннигог, неся смерть и разрушение. Семья Херндонов не избегла общей участи – отец и мать были убиты сразу же, младшего брата угнали в рабство, сестру изнасиловали и в конце концов умертвили.

Деревня была сожжена дотла. И только Барр Херндон сумел избежать смерти. Перед тем, как уйти из деревни, он взял с собой двенадцать тысяч стеллоров, принадлежавших его семье, и успел убить восемь лучших офицеров из армии Властителя.

Он покинул эту планетную систему, отправился в состоявшую из девятнадцати планет Федерацию Мельд, и на планете Мельд-17 приобрел себе за немалые деньги новое лицо, которое не было отмечено печатью черт, характерных для аристократов материка Зоннигог. Исчезли острые, почти как лезвие бритвы, скулы, бледная кожа, широко посаженные черные глаза, выступающий из-под самого лба нос.

За восемь тысяч стеллоров хирурги на Мельде убрали все эти черты и дали ему новое лицо: широкое там, где было узким прежнее, смуглое, с узкими, близко расположенными глазами, с величественным, слегка крючковатым носом, совершенно непохожим на нос любого из уроженцев Зоннигога. Вернулся он, маскируясь под космического бродягу, вольного стрелка, безработного наемника, готового заключить контракт по самой высокой таксе.

Хирурги с Мельда изменили его лицо, но не поменяли ему сердце.

Херндон пылал желанием отомстить Креллигу – Креллигу неумолимо безжалостному, Креллигу неуязвимому, который прятался за огромными каменными стенами своей крепости, страшась ненависти народа.

Херндон мог быть терпеливым. Но он поклялся убить Креллига, уничтожить рано или поздно.

Сейчас он стоял на узкой улочке, вливавшейся в Бронзовое авеню, застроенной самыми высокими зданиями и являвшейся одной из всего того множества извилистых улиц, что образуют древний квартал Борлаам-Сити, столицы планеты этого же названия. Он молча пересек всю центральную часть города, не докучая разговорами своему, похожему на гнома, компаньону, тяготясь только собственными мыслями и своей ненавистью.

Бенджин показал на черные металлические двери слева от них.

– Сюда, – сказал он и прижал ладонь к двери. Она рывком поднялась вверх и скрылась в карнизе над проемом. Бенджин прошел внутрь. Херндон последовал за ним, и вдруг будто ниоткуда появилось нечто, похожее на гигантскую руку, и как бы зажало его в своей ладони. Не поняв поначалу, в чем дело, Херндон стал отчаянно бороться с наброшенным на него полем стасиса.

– Черт вас побери, Бенджин, высвободите меня!

Хватка стасис-поля не ослабевала. Карлик спокойно обработал Херндона, забрав у него иглопистолет, четырехкамерный бластер и кортик.

– Вы безоружны? – спросил Бенджин и сам же ответил. – А как же.

Должны быть. Теперь можно и отключить поле.

Херндон рассердился не на шутку.

– Могли бы меня предупредить об этом. Когда мне будет возвращено мое оружие?

– Позже, – ответил Бенджин. – Старайтесь сдерживать свой буйный нрав.

Идите за мной.

Бенджин привел его в комнату, где за деревянным столом сидели трое мужчин и женщина. Лицо одного из них безошибочно выдавало благородное происхождение, двое же других мужчин были весьма вульгарными простолюдинами. Что касается женщины, то она вряд ли заслуживала того, чтобы взгляд останавливался на ней дважды – неряшливая, с отвислой, бесформенной грудью и одутловатым лицом, она несомненно была любовницей одного из мужчин или даже всей группы.

– Это Барр Херндон, – представил Бенджин. – Вольный космический бродяга. Я познакомился с ним на рынке. Он только что приобрел на аукционе протея почти за тысячу стеллоров. Я наблюдал за тем, как он велел этому созданию идти к морю, а затем вонзил иглу ему в спину.

– Если он так свободно расшвыривается своими деньгами, – заметил сочным басом показавшийся благородным мужчина, – то какая у него нужда наниматься к нам?

– Расскажите, почему вы убили своего раба, – сказал Бенджин.

Херндон мрачно улыбнулся.

– Меня это позабавило.

Один из простолюдинов, которые были одеты в кожаные костюмы, пожал плечами и произнес:

– Эти бродяги из космоса ведут себя не так, как нормальные люди.

Бенджин, я против того, чтобы пользоваться его услугами.

– Но мы в нем нуждаемся, – резко произнес худосочный Бенджин, и вновь обратился к Херндону. – А может быть, это было чем-то вроде рекламы?

Демонстрацией вашей готовности убивать и полнейшего безразличия к моральным ценностям человечества?

– Точно, – солгал Херндон. Ему бы только повредило, если бы он стал объяснять этим людям истинную причину, по которой он сначала приобрел, а затем убил протея – только для того, чтобы избавить это несчастное существо от длящихся не одно столетие невыносимых страданий. – Я пристрелил эту тварь ради забавы. Что сослужило мне неплохую службу, а именно: привлекло ваше внимание ко мне.

– Вот и прекрасно, – улыбнувшись, сказал Бенджин. – Позвольте объяснить, кто мы такие. Во-первых, наши имена: вот это Хейтман Оверск, младший брат лорда Моариса.

Херндон взглянул на аристократа. Второй сын – ах да! Знакомая ситуация. Вторые сыновья, не владеющие наследственной собственностью, но несущие в себе искру благородного происхождения, частенько сворачивают на скрытые в тени тропинки.

– Я имел удовольствие перешибить вашего братца на торгах сегодня утром, – не без гордости заявил Херндон.

– Перещеголять Моариса? Невероятно! – Херндон пожал плечами. – Госпожа вызвала его к себе в разгар аукциона, и он вынужден был уйти. В противном случае протей принадлежал бы ему, а у меня в кармане было бы на девятьсот стеллоров больше.

– Этих двоих, – сказал Бенджин, указывая на простолюдинов, – зовут Доргель и Резамод. У них обоих решающий голос в нашей организации – мы не придерживаемся социальных разграничений. А это, – он сделал жест в сторону девушки, – Мария. Она принадлежит Доргелю, но отнюдь не возражает против краткосрочных займов.

– Я не собираюсь брать ее взаймы, – сказал Херндон. – Ну, а какая же роль в вашей организации отводится мне, Бенджин?

– Принеси один экземпляр, Резамод, – произнес ссохшийся карлик.

Загорелый простолюдин поднялся и направился в темный угол тускло освещенной комнаты. Некоторое время он что-то искал на ощупь в ящике стола, затем вернулся с драгоценным камнем, ярко искрящемся в его согнутых пальцах. Но как только он выложил его на стол, камень сразу же потускнел, его свечение

резко уменьшилось. Херндон сразу же обратил внимание на то, что ни Хейтман Оверск, ни Доргель, не позволяют себе задерживать взгляд на самоцвете более, чем на секунду. И он сам, так же, как и они, повернул голову в сторону.

– Возьми его, – сказал Бенджин.

Самоцвет был холоден, как ледышка. Херндон, шутя, перекатывал его по ладони и ждал.

– Не торопитесь, – подстрекал Бенджин. – Постарайтесь его изучить.

Испытайте таящиеся в нем глубины. Поверьте мне, это превосходный экземпляр.

Херндон нерешительно раскрыл свою сжатую ладонь и бросил взгляд на камень. У него были широкие грани, излучавшие яркий свет и – у Херндона перехватило дыхание – внутри камня он увидел лицо. Лицо женщины. Томное, манящее, оно, казалось, взывало к нему из морской глубины…

Херндона прошиб пот по всему телу. Усилием воли он оторвал взгляд от камня и сжал ладонь; секундой позже он изо всей силы зашвырнул камень в самый дальний угол комнаты. Затем вспыхнул, взглянул на Бенджина и набросился на него.

– Мошенник! Предатель! – Руки его протянулись к горлу Бенджина, но карлик с неожиданной для него резвостью отпрянул назад, а Доргель и Резамод поспешно вклинились между ним и Херндоном. Какое-то мгновенье Барр пристально глядел на грузного, вспотевшего Резамода, но затем отступил, дрожа от гнева.

– Могли бы предупредить меня, – сказал он.

Бенджин виновато улыбнулся.

– Это испортило бы проверку. В нашей организации мы должны иметь сильных людей. Оверск, что вы думаете о нем?

– Он отшвырнул камень, – одобрительно изрек Хейтман Оверск. – Это добрый знак. Он мне, пожалуй, нравится.

– Резамод? – Простолюдин издал хрип, расцененный Бенджином как согласие с мнением Оверска. Такой же звук издал и Доргель.

Херндон стукнул по столу и произнес:

– Значит, вы занимаетесь звездными камнями? И дали мне один без предупреждения? А что, если бы я не устоял?

– Мы бы продали камень вам и отпустили на все четыре стороны, сказал Бенджин.

– Какого рода работу вы намерены мне поручить?

– Наш промысел заключается в том, – пояснил Хейтман Оверск, – чтобы доставлять звездные камни сюда с планет Внешнего Обода Галактики, где их добывают в рудниках, и

продавать тем, кто может себе это позволить. Цена, между прочим, пятьдесят тысяч стеллоров. Мы платим за них по восемь тысяч, но сами отвечаем за их перевозку. Нам нужен инспектор, который бы проверял количество и качество камней, вывозимых с планеты-источника на Борлаам.

Остальное мы берем на себя.

– Оплата высокая, – добавил Бенджин. – Ваш заработок будет пять тысяч стеллоров в месяц плюс решающий голос в организации.

Херндон задумался. Торговля звездными камнями считалась самым грязным ремеслом во всей Галактике. Гипнотические драгоценности быстро закабалили своих владельцев. Человек, привыкший в течение года рассматривать один и тот же камень, совершенно терял рассудок и становился плетущим всякую нелепицу идиотом, способным только созерцать калейдоскоп чудес, заключенных внутри камня.

Выработать пагубную привычку к камню было необычайно легко. Только сильный человек способен по собственной воле оторвать взгляд от звездного камня, даже если глянул на него всего лишь мельком. Херндон доказал, что обладает такой силой воли. Люди, которые могут убить только что приобретенного раба, в состоянии отвести взгляд от звездного камня.

– Каковы предварительные условия? – спросил Херндон.

– Полное подчинение, – ответил Бенджин, – включая хирургическую имплантацию страховочного устройства.

– Мне это не нравится.

– Оно есть у всех нас, – произнес Оверск. – Даже у меня.

– Если каждый из вас несет в себе подобное устройство, – заметил Херндон, – то перед кем же он несет ответственность?

– У нас полный взаимоконтроль и распределение функций. Я поддерживаю контакты с другими планетами. Оверск подыскивает перспективных клиентов здесь, на Борлааме. Доргель и Резамод являются экспедиторами и заняты вопросами транспортировки и охраны. Мы контролируем друг друга.

– Но ведь должен же быть кто-то, обладающий контролем за предохранительными устройствами? – не унимался Херндон. – Кто же это?

– Контроль переходит по очереди, ежемесячно, от одного к другому. В этом месяце такой контроль осуществляю я, – пояснил Бенджин. – В следующем – очередь Оверска.

Херндон возбужденно зашагал по темной комнате. Предложение было весьма заманчивым – пять тысяч в месяц позволили бы ему зажить на широкую ногу. Да и Оверск был братом лорда Моариса, который известен как близкий

поверенный Властителя.

А вот самого лорда Моариса держала под каблуком его госпожа. Теперь для Херндона все вырисовывалось очень четко. Все эти взаимосвязи в конце концов можно использовать на то, чтобы Властитель Креллиг оказался в пределах его, Херндона, досягаемости.

Но ему далеко небезразлично, что в его теле будет чужеродное подстраховочное устройство. Ему был известен принцип его действия. Как только он окажется под подозрением в том, что обманывает организацию, что хочет предать или попытаться беспричинно ее покинуть, то любой, кто в данный момент будет обладать управляющим устройством, сможет мгновенно низвести его до положения пресмыкающегося, раздираемого дикой болью раба.

Подстраховочное устройство может быть извлечено только тем хирургом, который его устанавливал.

Это означало одеть на себя ярмо банды контрабандистов, промышляющих звездными камнями. Но у Херндона была более высокая цель.

– Я принимаю предложение, – сказал он. – Расскажите мне поподробнее, в чем будут заключаться мои обязанности.

– Партия звездных камней, – начал Бенджин, – добыта для нас на планете-поставщике и скоро будет отгружена. Мы хотим, чтобы вы отправились на эту планету и сопровождали груз по всему его пути через космическое пространство сюда, на Борлаам. Мы терпим немалые убытки от воровства при каждой отгрузке – и у нас нет другого способа застраховать партию звездных камней от пропаж.

– Мы знаем, кто вор, – продолжил Оверск. – Вы отвечаете за то, чтобы поймать его с поличным и избавиться от него.

– Но ведь я – не наемный убийца, – спокойно возразил Херндон.

– Зато на вас одеяние космического бродяги. Это не является свидетельством высокого уровня моральных качеств, – заметил Оверск.

– К тому же, никто из нас не упомянул слово «убийство», – произнес Бенджин. – Просто исполнение приговора за совершенное преступление.

Экзекуция. Вот именно, экзекуция.

Херндон скрестил руки у себя на груди и сказал:

– Мне нужен аванс в размере двухмесячного жалования. Я хочу, кроме того, воочию убедиться в том, что у всех вас под кожей имеются нейронные ячейки подстраховочной сетки, прежде чем позволю хирургу прикоснуться ко мне.

– Договорились, – согласился Бенджин, обменявшись взглядом с остальными членами шайки.

– Более того. Мне еще нужна в качестве единовременного дара сумма в размере девятисот тридцати пяти стеллоров, которую я потратил сегодня, чтобы привлечь внимание потенциального работодателя.

Это было явной ложью, но для нее была своя причина. Имело смысл занять доминирующее положение среди этих людей как можно быстрее. Тогда будет легче добиться и следующих уступок с их стороны.

– Согласны, – снова ответил Бенджин, но на этот раз не столь охотно.

– В таком случае, – сказал Херндон, – я считаю себя на вашей службе.

Готов отправиться хоть сегодня же вечером. Как только будут удовлетворены все выдвинутые мною условия, я передаю свое тело в руки вашего хирурга.

3

В этот же день, как только деньги на сумму 10930 золотых стеллоров были депонированы в Ройал-банке на Борлааме, и после того, как Херндон лично убедился в том, что в теле Бенджина, Оверска, Доргеля и Резамода имплантирована нейронная сеть подстраховочного устройства, он отдал себя в распоряжение хирурга. Больших гарантий взаимодоверия он никак не мог потребовать, не рискуя остальными.

Клиника хирурга размещалась чуть дальше, на этой же авеню, в полуразрушенном старинном здании, построенном, в чем можно было не сомневаться, еще во времена Третьей Империи. Сам хирург оказался жилистым крепким парнем, с пересекающим одну щеку сморщенным шрамом от лучевого ожога и укороченной левой ногой. Отставной врач пиратского звездолета, догадался Херндон. Никто другой не взялся бы за такую операцию, не задав кучу вопросов. Оставалось надеяться только на то, что хирург хорошо знает свое дело.

Сама операция длилась около часа, в течение которого Херндон находился под общим наркозом. Он пришел в себя, когда с него сняли медный операционный колпак. Чувствовал он себя ничуть не хуже, чем до операции, но теперь он знал, что в его теле на субмолекулярном уровне помещена тончайшая металлическая сетка.

– Ну что? Закончили?

– Полный порядок, – ответил хирург. Херндон взглянул на Бенджина. На ладони карлика ярко сверкал какой-то металлический предмет.

– Это аппарат контроля, Херндон. Позвольте продемонстрировать его действие.

Пальцы Бенджина сомкнулись и тотчас же Херндон ощутил сильнейшую боль в лодыжке правой ноги. Палец карлика чуть изогнулся, и раскаленная добела стрела вонзилась в плечо. Еще один поворот пальца, и липкая рука, казалось, сдавила его сердце.

– Хватит! – вскричал Херндон. Он понял, что навеки расписался под отказом от свободы, если этот аппарат контроля и дальше будет оставаться в распоряжении Бенджина. От своей свободы он фактически отказался в тот день, когда торжественно поклялся стать свидетелем смерти Властителя Креллига.

Бенджин запустил руку в карман куртки и вытащил оттуда небольшой кожаный бумажник.

– Ваш паспорт и другие документы, необходимые в дальнем

путешествии, – пояснил он.

– У меня есть свой собственный паспорт, – сказал Херндон.

Бенджин покачал головой.

– Этот лучше. Он снабжен визой в Вайпор. – Затем, обращаясь к хирургу, спросил:

– Когда он сможет отправляться?

– Хоть сегодня вечером, если нужно.

– Вот и прекрасно, Херндон. Отправляйтесь сегодня же вечером.

В рейс к звездам Внешнего Обода Галактики, удаленным на много тысяч световых лет, уходил великолепный суперлайнер «Лорд Насийр». Бенджин устроил так, что Херндон отправился в путь бесплатно, как человек из окружения лорда и леди Моарис. Оверску удалось заполучить для него работу в качестве Распорядителя в свите знатной пары, которая ехала отдохнуть на одной из планет-курортов в районе Обода. Херндон не стал возражать, когда узнал, что путешествовать будет в обществе лорда – и особенно – леди Моарис.

Это был самый большой корабль во всем флоте роскошных кораблей Борлаама. Даже на палубе "С", где жила прислуга, Херндону досталась каюта с нормальной силой тяжести, с синтетической драпировкой и встроенным хромотроном. Так роскошно он не жил даже в своем родном доме, а ведь его родители были когда-то одними из самых знатных людей в Зоннигоге.

Обязанности его состояли в том, что он должен был организовывать вечера знати и притом так, чтобы патрон казался самым великолепным среди других, находящихся на борту лайнера, аристократов. Чета Моарисов тащила за собой огромное окружение, более сотни человек, включая слуг, стюардов, поваров и платных льстецов.

Оставшись один в своей каюте на время старта, Херндон внимательно ознакомился с врученными ему документами. Виза в Вайпор. Вот откуда берутся звездные камни! Вайпор, покрытая непроходимыми джунглями, удаленная планета, которой едва коснулась цивилизация. Неудивительно, что так трудно контролировать торговлю звездными камнями.

Как только корабль благополучно стартовал с поверхности планеты, и стасис-генераторы перевели его в нуль-пространство, Херндон облачился в черно-красное одеяние окружения Лорда Моариса. Затем, пройдя по широкому главному коридору, направился в Гран-Зал, где Лорд Моарис и его Леди собирали челядь в первый вечер своего путешествия в космосе.

Танцевальный зал был украшен гирляндами из живых светящихся существ.

У выхода в зал неуклюже прыгал танцующий медведь с Альбирео-12. Когда туда вошел Херндон и представился в качестве Второго Распорядителя, его встретили в таких же одеяниях, что и он, борлаамцы почтительно склонились перед ним.

Какое-то мгновение он неподвижно стоял на пороге танцевального зала, глядя на блистающее великолепие собравшейся здесь публики. «Лорд Насийр» был выставкой роскоши, здесь присутствовало очень много богатых борлаамцев, соперничающих великолепием своих нарядов и блеском драгоценностей с одним из наиболее высокопоставленных аристократов, самим Моарисом.

При виде всего этого Херндон испытывал чувство справедливой обиды.

Хотя он и вырос далеко за морем, по своему происхождению и привилегиям он принадлежал к самому высшему обществу планеты. Сейчас же он был вынужден обретаться на задворках в одеянии стюарда.

Знатная чета восседала на возвышавшихся креслах в дальнем конце Гранд-Зала, где находилась зона для танцев со значительно уменьшенной силой тяжести; танцоры, подобно персонажам из сказок, грациозно проплывали мимо знатных господ, лишь изредка касаясь пола ногами.

Херндон сразу же узнал Лорда Моариса – его лицо он хорошо запомнил во время аукциона. Это был мрачный, невысокий индивидуум с бочкообразным туловищем, щеголявший великолепием своего облачения одного из первых придворных Властителя, с острой небольшой бородкой, выкрашенной по последней моде в ярко-красный цвет. Он неподвижно восседал в высоком кресле, сжимая резные подлокотники, будто опасаясь воспарить к потолку. В воздухе рядом с ним мерцала едва различимая дымка поля нейтрализатора, предназначенная для его защиты от выстрелов возможного убийцы.

Рядом с ним восседала его прелестная леди, в высшей степени холодная и недоступная. Херндон был поражен ее молодостью. Аристократы, без сомнения, располагали средствами для восстановления утраченной свежести, но столь убедительно воссоздать подобное буйное цветение юной красоты они, конечно же, не умели. Леди Моарис было никак не больше двадцати трех двадцати пяти лет.

Супруг ее выглядел на несколько десятков лет старше, и было нисколько не удивительно, что он столь ревностно ее стерег.

Она взирала на происходящее у ее ног с приятной, довольной улыбкой на устах. Херндон тоже улыбнулся – ее красоте и той пользе, которую он надеялся от нее получить. У леди была нежно розовая кожа. Служанка, с которой Херндон познакомился на нижней палубе, рассказала ему, что она дважды в день принимает ванну из особого крема, привозимого контрабандистами с недоступных планет. Глаза у нее были чистые, большие, нос – красивый и ровный, а губы изгибались двумя плавными дугами. Ее одежда была усыпана изумрудами до такой степени, что казалось, испускала зеленоватое свечение. На платье был глубокий вырез, обнажавший крутую грудь и сильные плечи. В своей маленькой ручке она держала инкрустированный бриллиантами скипетр.

Херндон осмотрелся, нашел какую-то придворную даму, которая в это время была свободной, и пригласил ее танцевать. Танцевали они молча, время от времени входя в зону пониженного тяготения. Может быть, при других обстоятельствах, Херндон счел бы такое времяпрепровождение весьма приятным, но сейчас он вовсе не искал приятных ощущений. Его всецело занимала задача привлечь к себе внимание леди Моарис.

И это ему удалось. Разумеется, не сразу. Он был гораздо выше всех остальных, присутствовавших на этом балу, был самым заметным из собравшихся в Гранд-зале придворных, а самое главное, ему помогло то, что лорд и леди покинули свои царственные троны и присоединились к танцующим.

Херндон старался почаще менять дам, с которыми танцевал, пока, наконец, не оказался лицом к лицу с леди Моарис.

– Не хотите ли станцевать со мной? – спросила она. Слова ее показались Херндону наброшенной на него легкой осенней паутиной. Он склонился перед леди в легком, учтивом поклоне.

– Я почитал бы это величайшей честью, миледи. – Они начали танцевать.

Вести ее было очень легко. Херндон остро ощущал ее близость, тепло ее тела. В ее глазах он увидел какую-то затаенную, щемящую боль, что поведало лучше всяких слов о том, что не все гладко между лордом и леди.

– Вы мне что-то незнакомы, – сказала леди. – Кто вы?

– Барр Херндон, миледи. Из Зоннигога.

– Из Зоннигога? В самом деле? Ради чего же вы пересекли океан протяженностью в полтора десятка тысяч километров? Чем привлекла вас наша столица?

Херндон улыбнулся и после нескольких изящных пируэтов произнес:

– Жажда славы и удачи, миледи. Жить в Зоннигоге очень

неплохо, там все так спокойно, но единственное место, где можно стать известным – это Борлаам-сити. По этой причине я ходатайствовал перед Хейтманом Оверском, чтобы он ввел меня в свиту лорда Моариса.

– Значит, вы знакомы с Оверском? Так?

– Не очень близко. Я служил у него некоторое время, а затем попросился сюда.

– Вот так вы и шагаете, взбираясь все выше и выше с помощью своих прежних хозяев, пока не протиснетесь через лорда Моариса к ногам Властителя. В этом состоит ваш план?

Она обезоруживающе улыбнулась, показывая, что в ее словах нет ни тени осуждения. Херндон кивнул и со всей искренностью произнес:

– Признаюсь, именно в этом заключается моя цель. Хотя, простите меня за откровенность, похоже на то, что могут появиться причины, которые побудят меня остаться на службе у лорда Моариса дольше, чем я предполагал первоначально.

На лице молодой женщины вспыхнул румянец. Она поняла намек. Шепнула Херндону:

– Вы дерзкий. Насколько могу судить, тому причиной хорошая внешность и крепкое тело.

– Благодарю вас, миледи.

– Я не имела намерения расхваливать вас, – сказала она, когда танец подошел к концу, и умолк оркестр. – Я не одобряю подобную манеру поведения. Но какое все это имеет значение? Я благодарна вам за танец.

– Могу ли я рассчитывать на удовольствие от общества миледи когда-нибудь еще?

– Возможно, но не слишком скоро, – она насупилась. – Для лорда Моариса характерно острое чувство собственника. Он негодует, когда я дважды за один вечер танцую с одним и тем же членом его свиты.

На мгновенье лицо Херндона омрачила досада.

– Ничего не поделаешь. Схожу-ка лучше на смотровую площадку "А" полюбоваться звездами. Если леди нужен компаньон – она найдет его там.

Она взглянула на Херндона, так ничего и не сказав, упорхнула, как порыв весеннего ветра. Но Херндон весь зарделся от удовольствия. Все начинало становиться на свои места.

Смотровая площадка "А", расположенная на самой верхней палубе огромного лайнера, предназначалась только для пассажиров и членов их свиты. Это был огромный зал, всегда погруженный во мрак, на одном из торцов которого был

вмонтирован смотровой экран, открывавший перед наблюдателями все чудеса мироздания. В нуль-пространстве можно было наблюдать, как гиперболически искривляется мироздание, любоваться захватывающим дух многоцветным калейдоскопом звезд. Здесь не существовало геометрии в обычном понимании этого слова, все было сказочно искаженным и перевернутым. Сверкающая панорама разворачивающегося перед наблюдателями мироздания тускло освещала зал.

Смотровой зал для пассажиров первого класса был также известен и как место свиданий. Здесь, под покровом тьмы, знатные леди могли встречаться с поварами и отдаваться лакеям, а их лорды – обладать судомойками.

Какой-нибудь репортер из желтой прессы с помощью инфракрасной видеокамеры мог бы нажить состояние, шантажируя посетителей этого зала сделанными здесь снимками, но сканирующие устройства при входе исключали всякую возможность пронести какую-нибудь аппаратуру.

Херндон стоял у смотрового окна, любуясь тем, как переливаются ослепительно золотые и зеленые лучи ближайших звезд, когда услышал за спиной женский голос:

– Барр Херндон? – Он обернулся. В темноте было трудно различить говорящего.

Ему удалось определить, что это девушка, почти такая же высокая, как леди Моарис. Но даже несмотря на скудный свет, излучаемый нуль-пространством, он все же разобрал, что это не леди. Волосы девушки были светло-соломенными, в то время как у леди они были цвета червонного золота. Он также смог увидеть белизну открытой груди девушки, тогда как одежда госпожи Моарис, несмотря на огромное декольте, была все же поскромнее.

Это была, по всей вероятности, одна из придворных дам, очарованная Херндоном, возможно, даже подосланная леди Моарис с целью испытать его или что-то передать.

– Я здесь, – отозвался Херндон. – Я к вашим услугам.

– Я пришла по поручению, – зашептала девушка, -…одной знатной дамы.

– Что же ваша госпожа велела передать мне? – ответил, улыбаясь в темноте, Херндон.

– Этого нельзя высказать словами. Обнимите меня как будто мы пара влюбленных, и я передам нечто очень важное.

Пожав плечами, Херндон с наигранной страстью сжал в объятиях подавшуюся навстречу девушку. Их тела тесно прижались друг к другу, губы встретились. Херндон почувствовал, как рука девушки ищет его руку и перекладывает в нее что-то холодное, металлическое. Затем она отняла губы, и

приподнявшись на носки, прошептала ему на ухо:

– Это ее ключ. Будьте у нее через полчаса. – Они отодвинулись друг от друга. Херндон кивнул ей на прощанье и снова сосредоточил свое внимание на великолепии космоса. Он даже не взглянул на предмет в своей руке, а просто сунул его в карман.

Отсчитав в уме минут пятнадцать, он покинул смотровой зал и вновь появился на главной палубе. Бал продолжался вовсю, но от дежурного охранника он узнал, что лорд и леди Моарис уже ушли спать и что веселье скоро закончится.

Херндон проскользнул в туалет и осмотрел ключ. Это был изотопный вскрыватель с выбитым на нем числом 1160.

В горле у него пересохло. Леди Моарис приглашает его провести ночь в ее апартаментах. А может, это ловушка, и Моарис вместе с челядью только и ждут, чтобы пристрелить его и доставить себе неожиданное развлечение?

Такие шутки были всецело в духе аристократии Борлаама.

И все же – ему запомнилась чистота ее взгляда и красота лица. Ему никак не верилось, что она могла стать соучастницей такой интриги.

Он выждал оставшиеся несколько минут и украдкой двинулся по устланному коврами коридору.

Возле комнаты 1160 он затаил дыхание и прислушался. Внутри стояла тишина. Сердце его учащенно забилось, мысли в голове стали путаться. Это было его первым и главным испытанием, возможно, даже ключом к воплощению всех его надежд. И ко всему еще добавлялось просто страстное желание одинокого мужчины.

Он прикоснулся кончиком радиоактивного ключа к двери. Вещество, из которого была сделана дверь, стало невидимым, так как временно отключился энергетический барьер, который удерживал его молекулы сцепленными друг с другом. Херндон быстро переступил порог. Дверь у него за спиной тотчас же возвратилась в свое первоначальное непроницаемое состояние.

Комнату освещал мягкий свет, лившийся из невидимых светильников. Леди Моарис ждала его в прозрачном пеньюаре. На лице играла натянутая улыбка.

Судя по всему, чувствовала она себя весьма неловко.

– Значит, вы все-таки пришли.

– А разве я мог поступить иначе?

– Я… я не была уверена. Для меня все это как-то непривычно…

Херндон едва сдержал циничный смех. Такая невинность была трогательной, но абсолютно невероятной. Он ничего не

ответил, она же продолжала:

– Меня смутило ваше лицо – что-то суровое и страшное в нем поразило меня. И мне захотелось послать за вами, чтобы узнать вас лучше.

– Я польщен, – не без иронии заметил Херндон. – Я не ожидал подобного приглашения.

– Не сочтите меня… испорченной… распутной, прошу вас, – как-то жалобно произнесла она, будто оправдываясь.

Услышать такие слова из уст знатной леди Моарис Херндон никак не ожидал. Однако, чем больше он приглядывался к ее стройному телу, совершенно нагому под прозрачной тканью, тем больше понимал, что она не была столь уж высокомерной, особенно после того, как сбросила с себя маску напускного притворства. Он стал видеть ее такой, какой она, может быть, и была на самом деле: молодой девушкой необыкновенной красоты, вышедшей замуж за высокомерного аристократа, ценившего ее только за те удовольствия, которые она ему доставляла, показываясь вместе с ним на людях. Возможно, именно это и было объяснением, почему второй распорядитель был приглашен к ней в спальню.

Херндон взял ее за руку.

– Это предел моих мечтаний, госпожа моя. Что может быть для меня выше по сравнению с тем, что заключено в этой комнате?

Но его слова были всего лишь пустой лестью. Ликуя в душе, он пригасил свет в спальне. «Одержав победу над вами, леди Моарис», – думал он при этом, – «сумею ли я одержать победу над Властителем Креллигом!?»

4

По календарю звездолета путешествие на планету Моллеког длилось неделю. После проведенной ночи с леди Моарис, только дважды у Херндона выдавалась возможность встретиться с нею, и в обоих случаях она отводила от него глаза, будто бы не замечая его.

Это можно было понять. Но Херндон взял с нее обещание, что через три месяца после возвращения на Борлаам, они снова встретятся. И еще она обещала, что воспользуется своим влиянием на мужа, чтобы добиться приглашения Херндона ко двору Властителя.

Без всяких происшествий «Лорд Насийр» вышел из нуль-пространства и был захвачен силовым полем космопорта на Моллекоге. Сквозь смотровое окно на палубе Херндон наблюдал за тем, как с каждым витком спирали, по которой звездолет опускался на поверхность планеты удовольствий, все более ослепительным становится буйство ее красок.

Но в его намерения все же не входило длительное пребывание на этой планете.

Отыскав главного распорядителя, он попросил у него разрешения на отлучку, разумеется, без оплаты.

– Но вы же только-только поступили на службу к лорду Моарису, запротестовал распорядитель, – и сразу же хотите ее оставить?

– Только временно, – пояснил Херндон. – Я вернусь на Борлаам раньше вас. Мне нужно посетить одну из крайних планет по весьма важному делу, и я обещаю вернуться на Борлаам за свой собственный счет, где и присоединюсь снова к свите лорда Моариса.

Главный распорядитель жаловался и ворчал, но не смог найти оснований для того, чтобы воспрепятствовать намерению Херндона. В конце концов он предоставил разрешение на временную отлучку со службы лорда Моариса.

Херндон упаковал свой придворный наряд и натянул на себя прежнее одеяние космического бродяги. Когда же огромный лайнер совершил посадку в космопорту Данзибул на Моллекоге, Херндон был полностью готов. Незаметно ускользнув с борта звездолета, он окунулся в привычную вокзальную суматоху.

Боллар Бенджин и Хейтман Оверск самым тщательным образом проинструктировали его, что он должен теперь делать. Прокладывая себе дорогу плечами и локтями сквозь толпы издававших мерзкий запах Ннобоннов, лица которых были

похожи на цветы лилии, он искал окошко билетной кассы.

Найдя, в конце концов, одно такое оконце, он достал заранее приготовленное поручительство на проезд, которым его снабдил Бенджин.

– Мне нужен билет на Вайпор, – сказал он трехглазому плосколицему клерку, уроженцу неизвестной ему планеты, который глядел на него через плетеную ширму.

– Чтобы попасть на Вайпор, нужна соответствующая виза, – сказал клерк. – Такие визы выдаются очень редко, да и то при наличии надлежаще оформленного поручительства. Я не вижу возможности…

– Вот моя виза, – сердито сказал Херндон и предъявил клерку документы. Тот заморгал глазами – часто-часто – и его бледно-розовое лицо стало вишнево-красным.

– Да, да, – выдавил он наконец. – Как будто все в порядке. Проезд будет стоить 1165 стеллоров в тамошней валюте.

– Я возьму билет третьего класса, – сказал Херндон. – Вот квитанция об оплате такого билета.

Он протянул клерку квитанцию. Тот долго изучал ее, затем произнес:

– У вас все очень неплохо заготовлено. Я принимаю ваши бумаги.

Херндон держал оплаченный билет до Вайпора на грузовой звездолет «Заласар».

«Заласар» оказался совсем непохож на «Лорда Насийра». Это был допотопный однопалубный корабль, который трещал по всем швам при взлете, дрожал всем корпусом во время перехода в нуль-пространство и вся его начинка непрерывно дребезжала в течение всей недели, которую заняло путешествие на Вайпор. Это был действительно третьесортный корабль. Груз его составляло различное горношахтное оборудование: шестьдесят пять тысяч насосов для откачки воды из рудников, восемьдесят тысяч машин для монтажа крепи, шестьдесят тысяч многозарядных грунтопробойников. Все это охраняла команда из восьми неразговорчивых уроженцев планеты Лудвар. Херндон был единственным человеком на борту. Люди редко удостаивались визы на Вайпор.

Они добрались до Вайпора через семь с половиной суток после отправления с Моллекога. Температура воздуха снаружи была за сорок по Цельсию, влажность все сто процентов. Херндон располагал кое-какими сведениями о том, что представляет из себя эта планета. На ней было около пятисот человек, один космопорт, бесконечное множество смертоносных форм местной жизни и несколько тысяч негуманоидных разумных существ –

настолько разнообразных, что не поддавались никакому описанию. Одна часть населения планеты просто пряталась, другая занималась торговлей и ремеслами, остальные искали звездные камни.

Херндон прошел основательный инструктаж. Он знал, с кем нужно выйти на связь, и сразу же занялся поисками резидента.

На Вайпоре было только одно постоянное поселение, и поскольку оно было единственным, то и названия у него не было никакого. Херндон подыскал себе комнату в дешевой ночлежке, которую содержал узкоглазый негуманоид со свиными ушами, непрерывно смывающий пот со своего лица едкой как кислота, водой прямо из крана.

Затем Херндон сошел вниз, на полуденный солнцепек. Легкий ветерок нес вонь от гниющих растений из окружавших город со всех сторон джунглей.

Зайдя в бар, он спросил у бармена:

– Я тут разыскиваю одного ваннимуранца по имени Мардлин. Он где-нибудь поблизости?

– Вон там, – указал бармен. Мардлин с планеты Ваннимур оказался маленьким, похожим на хорька, созданием с вытянутым рыльцем, не заслуживающими доверия желтыми глазами и с характерным для его породы пятнистым пурпурно-коричневым мехом. Он тотчас же посмотрел на Херндона, едва тот приблизился к нему. Когда он заговорил, речь его оказалась мешаниной самых различных языков, густо сдобренной непристойностями с десятка планет, кудахтаньем и свистом.

– Вы искали меня?

– Если вас зовут Мардлин, то вас, – ответил Херндон.

Шакалоподобное создание кивнуло. Херндон опустился на ближайшее сиденье и тихо произнес:

– Меня к вам послал Бенджин. – Он положил на стол перед шакалом молочно-белый кубик. Мардлин поспешно сгреб его своими кожистыми когтями и легким щелчком включил активатор. Из туманных глубин кубика появилось изображение Боллара Бенджина, и спокойный голос произнес:

– Говорит Бенджин. Податель сего куба мне хорошо знаком, и я полностью доверяю ему во всех отношениях. Вы должны доверять ему так же, как и я. Он будет сопровождать вас с партией товаров до самого Борлаама.

Голос умолк и изображение Бенджина исчезло. Шакал сердито посмотрел на Херндона и пробормотал:

– Раз уж Бенджин посылает своего человека сопровождать товар, зачем я должен отправляться на Борлаам?

Херндон пожал плечами.

– Похоже на то, что он хочет, чтобы мы оба совершили это путешествие.

Вам разве не все равно? Вам же за это платят, не так ли?

– А вам разве нет? – огрызнулся Мардлин. – Это что-то не похоже на Бенджина – платить двоим за одну и ту же работу. И вы мне что-то не очень нравитесь, залетный.

– Вы мне тоже, – чистосердечно признался Херндон и поднялся со стула.

– Мне велено, чтобы я возвращался на Борлаам на грузовике «Утренняя Заря» сегодня же вечером. Я встречаюсь с вами здесь, за час до его вылета, и проверяю товар.

В этот же день он выполнил еще одно поручение. Это был визит к Бренту, торговцу камнями на Вайпоре, который служил посредником между местными камнедобытчиками и нарочным, Мардлином.

Херндон предъявил ему свой опознавательный кубик и после того, как Брент удостоверился в его подлинности, произнес:

– Мне хотелось бы проверить регистрацию последней партии в учетной книге.

Брент бросил раздраженный взгляд на Херндона.

– Мы не ведем учетных книг на звездные камни, идиот. Что вы хотите выяснить?

Херндон нахмурился.

– У нас имеются подозрения в том, что нарочный переправляет часть камней в свой собственный карман. У нас нет возможности перепроверить его, поскольку мы не можем требовать каких-либо накладных при перевозке.

Вайпориец пожал плечами.

– Все нарочные крадут.

– Звездные камни обходятся нам по восьми тысяч стеллоров за штуку, пояснил Херндон. – При такой цене мы не можем допускать даже малейшей их утечки на сторону. Скажите, сколько камней вы высылаете с текущей партией?

– Не помню, – ответил Брент. Херндона такой ответ рассердил не на шутку. – Вы и Мардлин, вероятно, работаете сообща. Нам приходится верить ему на слово, сколько камней он привозит, но всегда три или четыре оказываются с дефектами. Мы убеждены в том, что он покупает у вас, ну скажем, сорок камней и платит вам за них 320 тысяч стеллоров из подотчетных денег, которыми мы его снабжаем. Затем забирает из каждой партии три-четыре хороших камня и заменяет их идентичными, но дефектными, стоимостью по сотне стеллоров за штуку. За каждую

поездку его прибыль составляет более двадцати тысяч стеллоров.

– Или же, – продолжал Херндон, – вы умышленно продаете ему дефектные камни по цене восемь тысяч стеллоров. Но Мардлин не дурак, чтобы покупать такие камни, а мы тоже не дураки, чтобы в это поверить.

– Так что же вы хотите узнать? – спросил вайпориец.

– Сколько доброкачественных камней в текущей партии? – Лицо Брента покрылось потом. – Тридцать девять, – сказал он после продолжительной паузы.

– И вы также снабдили Мардлина несколькими дефектными камнями для подмены некоторых из этих тридцати девяти?

– Н-нет, – ответил Брент.

– Очень хорошо, – улыбаясь, произнес Херндон. – Простите меня за то, что я мог показаться вам слишком уж дотошным, но мы должны были докопаться до истины. Прошу принять мои извинения и обменяться рукопожатием на прощанье.

Херндон протянул руку. Брент нерешительно посмотрел на нее, затем осторожно взял. Быстрым незаметным движением Херндон вонзил иглу в основание большого пальца вайпорийца. Быстродействующее средство, блокирующее возможность говорить неправду, начало действовать уже через несколько секунд.

– Вот теперь, – заявил Херндон, – предварительная часть нашей беседы завершена. Вы, надеюсь, помните подробности нашего разговора. Скажите мне теперь, за сколько звездных камней расплатился с вами Мардлин?

Бесплотные губы Брента сердито искривились, но против наркотика он был беззащитен.

– Тридцать девять, – выдавил он из себя.

– Суммарной стоимостью?

– Триста двенадцать тысяч стеллоров.

Херндон кивнул.

– Сколько хороших камней из этих тридцати девяти?

– Тридцать пять, – неохотно признался Брент.

– Четыре – подделка?

– Да.

– Прелестная афера. Вы снабдили Мардлина дефектными камнями?

– Да. По двести стеллоров за штуку.

– А что происходит с подлинными камнями, за которые мы платим, но которые так и не попадают на Борлаам?

Брент в отчаянии закатил глаза.

– Мардлин… Мардлин продает их кому-то еще и прикарманивает деньги себе. За то, что я молчу, мне достается по

пятьсот стеллоров с камня.

– Сегодня вы, как всегда, хранили молчание, – сказал Херндон. – Большое спасибо за информацию, Брент. Мне следовало бы убить вас – но вы слишком ценный для нас человек. Мы сохраним вам жизнь, но меняем условия договора. Отныне мы платим вам только за настоящие, доброкачественные камни, а не за партию в целом. Вас устраивает такое предложение?

– Нет, – ответил Брент.

– Вы сейчас с нами искренни, Брент. Но вам придется свыкнуться с таким порядком вещей. Мардлин, между прочим, больше уже не будет нарочным.

Мы не можем допускать в свою организацию лиц с такими наклонностями. И не рекомендую вам пытаться вступать в какого рода сделки с его приемником в качестве нарочного, кто бы он ни был.

Он повернулся и вышел из лавки.

Херндон был уверен, что Брент поспешит оповестить Мардлина о том, что их афера лопнула – и таким образом даст возможность Мардлину вовремя смыться. Однако это не очень-то беспокоило Херндона, поскольку в его руках было такое оружие, с помощью которого можно было бы достать шакалоподобное создание на любом расстоянии.

Херндон поклялся защищать интересы синдиката, как свои собственные, а был он из тех людей, кто свято относится к своим клятвам. В руках Мардлина было тридцать девять оплаченных синдикатом камней. И Херндону вовсе не хотелось, чтобы этот шакал утащил их с собой.

Он ускорил шаг, направляясь к дому, где обычно жил Мардлин во время своего пребывания на Вайпоре. Ходьба отняла пятнадцать минут – время более чем достаточное для того, чтобы тот получил предупреждение.

Комната Мардлина была на третьем этаже. Херндон вытащил оружие и постучался в дверь.

– Мардлин? – Ответа не последовало. – Я знаю, шакал, что ты здесь, сказал Херндон. – Твоя карта бита. Ну-ка открывай дверь и впусти меня. – Дверь со свистом пронзила игла и воткнулась в противоположную стенку, пройдя всего лишь в нескольких сантиметрах от головы Херндона. Херндон сделал шаг в сторону, туда, где не могла достать игла, и взглянул на предмет, который лежал у него на ладони.

Это был активатор нейронной сетки, имплантированной в тело Мардлина.

Рукоятка управления имела четко обозначенную шкалу.

Установка клювика против цифры 6 лишала Мардлина всякой возможности применить оружие.

Херндон аккуратно установил указатель градации болевых ощущений на это деление шкалы и оставил его там.

Изнутри раздался глухой стук. Приложившись плечом к двери, Херндон одним резким толчком высадил ее и прошел внутрь. Мардлин лежал распростертый на полу комнаты, корчась от боли. Рядом, но достаточно далеко от него, валялся оброненный им иглопистолет.

На кровати лежал открытый полусобранный чемодан. Мардлин, очевидно, намеревался немедленно смываться.

– Выключите… эту… пакость… – бормотал Мардлин искаженными от боли губами.

– Сперва немного информации, – весело проговорил Херндон. – Я только что побеседовал с Брентом. Он утверждает, что вы далеко не надлежащим образом поступали с нашими звездными камнями. Это правда?

Мардлин затрепетал на полу, но ничего не ответил. Херндон увеличил степень боли на четверть деления, но до смертельного порога было еще далеко.

– Так это правда? – повторил он.

– Да… да… Да уберите же ее, черт вас побери!

– В то время, когда вы давали согласие на имплантацию нейронной сетки, вы ясно представляли себе, что будете верны синдикату и поэтому в активации ее не будет необходимости. Однако, вы воспользовались обстоятельствами и стали нас надувать. Где текущая партия камней? -…за обивкой чемодана, – прошептал Мардлин.

– Хорошо. – Херндон поднял с пола иглопистолет, засунул его в карман и выключил активатор. Боль в теле Мардлина прекратилась, однако он, изнуренный ею, был настолько потрясен, что не в состоянии был поднять свое обмякшее тело.

Херндон умело распотрошил обивку чемодана и вскрыл его. Камни были завернуты в специальную экранирующую ткань, которая предохраняла нервную систему смотрящего на них. Херндон пересчитал камни. Их было тридцать девять, как и сказал Брент.

– Здесь есть дефектные камни? – спросил он.

Мардлин сверкнул позеленевшими от боли и ненависти глазами.

– Разверните и сами увидите, какие дефектные!

Вместо ответа Херндон установил стрелку указателя на шестое деление.

Мардлина снова сломало пополам. Не в силах больше

терпеть боль, он вцепился в голову своими, увенчанными когтями, руками.

– Да! Да! Шесть дефектных!

– Что означает, что ты продал шесть хороших за сорок восемь тысяч стеллоров минус три тысячи, которые сбросил Бренту за его молчание.

Значит, где-то здесь должны быть сорок пять тысяч стеллоров, которые ты нам задолжал. Где они…

– В ящике в шкафу… верхнем…

Отыскав в шкафу туго набитый пакет со стеллорами, Херндон во второй раз отключил активатор, и тело Мардлина снова обмякло.

– О кэй, – сказал Херндон. – И наличные, и камни теперь у меня. Но ведь должны еще где-то быть те много тысяч стеллоров, которые ты накрал раньше.

– Можете забрать их тоже! Только, пожалуйста, больше не включайте эту мерзость!

– У меня нет времени, – сказал, пожав плечами, Херндон, – охотиться за ранее украденными деньгами. Но мы подстрахуемся на тот случай, чтобы подобное не повторилось.

Он приступил к завершающей стадии выполнения инструкций Бенджина и повернул стрелку указателя до цифры "1", – на пределе сопротивляемости болевым ощущениям. Каждую молекулу выносливого тела Мардлина пронизала нестерпимая боль. Он кричал и извивался на полу, но совсем недолго.

Нервные окончания больше уже не в состоянии были выдержать болевую перегрузку. В считанные мгновенья его мозг был поражен параличом, и менее, чем через минуту, он был мертв. Хотя подвергаемые пытке конечности и после наступления смерти еще продолжали конвульсивно дергаться, получая импульсы от активатора.

Херндон выключил активатор. Он сделал свое дело и не ощущал ни ликования, ни отвращения. Собрав деньги и самоцветы, он вышел из берлоги Мардлина.

5

Через месяц он прибыл на Борлаам на грузовозе «Утренняя Заря» точно по расписанию и без всяких затруднений прошел таможенный досмотр, хотя при нем было спрятано запрещенных к ввозу на планету звездных камней на сумму более чем триста тысяч стеллоров.

Сначала он отправился на Бронзовую авеню, где разыскал Бенджина и Оверска, четко и кратко описал им свою деятельность с момента отправления с Борлаама, но опустил, разумеется, любовную интрижку с леди Моарис на борту звездолета. Пока он говорил, и Бенджин, и Оверск смотрели на него с нескрываемым нетерпением, а когда он рассказал о том, как застращал Брента и умертвил предателя Мардлина, лица их засияли от радости и восторга.

Херндон вытащил пакет со звездными камнями из кармана плаща и выложил на деревянный стол.

– Тут, – сказал он, – звездные самоцветы. Здесь есть, как вы уже знаете, несколько дефектных, но я привез с собой разницу в стоимости наличными.

С этими словами он выложил на стол еще сорок пять тысяч стеллоров.

Бенджин быстро сгреб деньги, камни и сказал:

– Вы прекрасно справились с заданием, Херндон. Даже лучше, чем мы от вас ожидали. День, когда вы убили того протея, воистину был удачным.

– У вас еще есть для меня работа?

– Естественно, – ответил Оверск. – Вы займете место Мардлина в качестве нарочного. Неужели вы и сами не догадались об этом?

Херндон, разумеется, догадался, но это не сулило ему ничего приятного. Ему хотелось остаться на Борлааме, особенно теперь, когда сблизился с леди Моарис. Ему уже не терпелось начать свое восхождение к Креллигу. Но если он станет, как челнок, шнырять между Вайпором и Борлаамом, то для него будет утрачено то, наиболее важное, преимущество, которого ему удалось достичь.

Однако до возвращения леди Моарис на Борлаам оставалось еще около двух месяцев. Он мог бы еще раз обернуться туда и назад для синдиката, не угрожая серьезно своему положению. После этого придется искать какой-нибудь предлог для прекращения сотрудничества с синдикатом.

Думается, если они предпочтут задержать его, то смогут это сделать принудительно, но в таком случае…

– Когда мне надо отправляться в следующую поездку? – спросил он.

Бенджин пожал плечами.

– Завтра, на следующей неделе, через месяц – кто знает? Сейчас у нас на руках уйма камней. Нам пока что нечего спешить с очередной поездкой. Вы можете взять отпуск до тех пор, пока мы не распродадим эту партию.

– Нет, – сказал Херндон, – мне хотелось бы отправиться поскорее.

– У вас есть особые причины для столь срочных действий? – хмуро поинтересовался Оверск.

– Мне сейчас не очень-то хотелось бы оставаться на Борлааме, – сказал Херндон. – Я не чувствую необходимости в дальнейших разъяснениях. Мне доставит удовольствие совершить еще один вояж на Вайпор.

– Ух, как ему не терпится, – заметил Бенджин. – Это добрый знак.

– Мардлин поначалу тоже был полон энтузиазма, – со злостью бросил Оверск.

Херндон вскочил с места и мгновенно оказался возле аристократа. Его иглопистолет щекотал кожу под кадыком Оверска.

– Если вы этим сравнением хотите сказать…

Бенджин оттолкнул руку Херндона.

– Сядьте, бродяга, и успокойтесь. Хейтман слишком устал за эту ночь и спорол чушь. Мы доверяем вам. Уберите свой пистолет.

Херндон неохотно опустил оружие. Оверск, побелевший, несмотря на загар, стал тереть пальцами то место на горле, которого коснулось оружие Херндона, но от каких-либо комментариев воздержался. Херндон пожалел о том, что у него все так непроизвольно получилось, и решил не требовать извинений. Оверск все еще мог быть ему полезен.

– Для космического бродяги слово – превыше всего, – пояснил Херндон.

– У меня нет намерений плутоват. Когда я смогу отправиться в путь?

– Да хоть завтра, если пожелаете, – сказал Бенджин. – Мы дадим радиограмму Бренту, чтобы он готовил для вас еще одну партию камней.

На сей раз Херндон отправился на Вайпор на борту грузового транспорта, так как в это время года круизы со знатью не проводились.

Менее, чем через месяц он уже был на этой, покрытой джунглями, планете. У Брента его дожидались тридцать два самоцвета. Тридцать два сверкающих, небольших звездных камня в защитной оболочке, затаившие в себе страстное желание поработить разум кого-нибудь из людей манящими сновидениями.

Херндон забрал их и организовал перевод ценных бумаг на сумму в 256 тысяч стеллоров. Брент с горечью взирал на такой способ ведения дел, но было заметно, что он настолько опасался за свою жизнь, что даже не осмеливался возражать. О Мардлине и о его судьбе не было произнесено ни слова.

Взвалив на себя драгоценное «бремя», Херндон вернулся на Борлаам на борту лайнера второго класса, купив билет на него на планете Дирхав, расположенной неподалеку от Борлаама. Поездка обошлась Херндону недешево, но у него не оставалось времени на то, чтобы дожидаться очередного грузового рейса. Ко времени его возвращения на Борлаам леди Моарис уже несколько недель должна была быть дома. Он дал обещание главному распорядителю возобновить свою службу при дворе Моариса и у него не было ни малейшего желания не выполнить его.

Когда он вернулся с камнями, на Борлааме уже наступила зима.

Ежедневно шел дождь со снегом, наводняя города и поля мириадами острых, как бритва, частиц льда. Люди старались как можно реже выходить на улицу, выжидая, когда кончится зимняя стужа.

Улица, по которой Херндон шел на свидание со своими компаньонами, была сплошь завалена снежными сугробами, отбрасывавшими яркие бело-голубые искорки в мерцающем сиянии низкой зимней луны. На Бронзовой авеню он передал самоцветы Оверску и узнал от него о том, что Бенджин пока очень занят одним важным делом, но вскоре вернется.

Херндон, стараясь согреться, расположился возле стены с вмонтированными в нее нагревательными элементами и жадно поглощал один за другим бокалы дорогого привозного голубого вина, которое не переставал подливать ему Оверск. Через некоторое время пришел Доргель, затем появились Резамод и Мария. Они вместе проверили качество привезенных Херндоном звездных камней, после чего присовокупили их к остальным, спрятанным в тайнике.

Наконец пришел совершенно окоченевший от холода Бенджин. Однако весь он буквально заполыхал жаром, когда с гордостью объявил:

– Сделка заключена, Оверск! О, Херндон, вы вернулись,

насколько я понимаю. Поездка была удачной?

– Отличной, – без ложной скромности ответил Херндон.

– Вы виделись, как я полагаю, с государственным секретарем, – заметил Оверск, – а не с самим Креллигом?

– Естественно. Разве Креллиг подпустит к себе близко кого-нибудь, вроде меня?

Херндон весь обратился в слух, как только было упомянуто имя его заклятого врага.

– А какое отношение мы имеем к государственным делам? – спросил он.

– Некоторое, – сдержанно ответил Бенджин, загадочно улыбаясь. – Пока вас не было, я провел некоторые, весьма деликатного свойства, переговоры.

А сегодня, наконец, подписал соглашение.

– Какое соглашение? – требовательным тоном спросил Херндон.

– Похоже на то, что нашим патроном станет сам монарх. Властитель Креллиг решил сам заняться звездными камнями. И вовсе не в качестве нашего конкурента. Он выкупил у нас контрольный пакет.

Херндон ощутил, как все внутри него будто налилось свинцом, и он едва выдавил из себя:

– И каковы условия соглашения?

– Очень простые. Креллиг понял, что несмотря на все попытки запретить торговлю звездными камнями, приостановить ее невозможно. Чем изменять законодательство с целью легализации торговли звездными камнями, что, с одной стороны, было бы безнравственно, а с другой – могло бы привести к снижению цен на камни, Креллиг предпочел поручить лорду Моарису установить контакты с одной из группировок контрабандистов, которая согласилась бы работать на Корону. Моарис, естественно, посвятил в этот замысел своего брата, а Оверск, в свою очередь, предоставил мне право вести соответствующие переговоры с эмиссарами Властителя. В течение всего последнего месяца я регулярно, в обстановке строжайшей секретности, встречался с государственным секретарем Креллига, вырабатывая условия сделки.

– И в чем же они заключаются?

– Креллиг гарантирует нам безопасность от преследования со стороны государства и одновременно с этим обещает всей мощью своего аппарата обрушиться на наших конкурентов. Он, другими словами, дарует нам монополию торговли звездными камнями, что позволит нам снизить расходы на Вайпоре, а здесь вздуть цены на камни до естественного предела, определяемого

балансом между спросом и предложением. Ибо при превышении этого предела может понизиться количество продаваемых нами камней и тем самым снизятся наши доходы. В обмен на это мы выделяем Властителю восемь процентов своей прибыли и обязуемся снабжать его за свой счет шестью камнями ежегодно, которые ему могут понадобиться в качестве даров своим противникам.

Разумеется, мы также уступаем взятые на себя обязательства верности синдикату, обинуясь стать вассалами самого Властителя. Отныне только он будет осуществлять контроль над нами, чтобы гарантировать преданную службу.

Херндон был ошеломлен услышанным. Руки его похолодели, по всему телу пробежала дрожь. Верность Креллигу? Своему заклятому врагу, чудовищу, которое он поклялся уничтожить?

Его разум и душу раздирали противоречия. Каким же образом он сможет осуществить ранее данную клятву, когда теперь ее выполнение полностью противоречит его обязанностям в качестве вассала Креллига? Передача лояльности, изменение субъекта вассальной верности было широко распространенным явлением. По условиям договора, заключенным Бенджином, Херндон теперь становился вассалом Властителя, на которого автоматически распространялась та клятва верности, которую он дал совсем недавно синдикату.

Если он нынче убьет Креллига, это будет нарушением его обязательств в качестве вассала Креллига. Если же он станет служить Властителю верой и правдой, соблюдая букву клятвы, это лишит его веры в самого себя и в свои силы, а также оставит неотомщенными родителей и отчий дом. Разрешить возникшее противоречие не было никакой возможности. От ощущения собственного бессилия, Херндона вновь бросило в дрожь, что не осталось незамеченным другими.

– Похоже на то, что бродяга из космоса не испытывает особого восторга от нашей сделки, – язвительно заметил Оверск. – Вам, кажется, дурно, Херндон?

– Нет, у меня все в порядке, – сцепив зубы, ответил Херндон. – Просто сильно холодно снаружи. Никак не могу отогреться.

Вассальная преданность Креллигу! Эти негодяи у него за спиной продали и себя, и его человеку, которого он ненавидел больше всех на свете! Все моральные принципы, которыми руководствовался Херндон, были основаны на понятиях о соблюдении верности данным обязательствам, безоговорочном послушании и священной клятве. И вот теперь он обнаружил, что связан двумя взаимоисключающими клятвами. Он, как в тисках,

зажат между ними, поднят на дыбу и разорван на части. Единственным спасением от страданий, причиняемых нравственной раздвоенностью, могла быть только смерть.

Херндон поднялся.

– Прошу прощения, – произнес он, – но у меня сегодня еще одно свидание. Когда я вам понадоблюсь, вы меня отыщете по прежнему адресу.

Весь остаток дня у него ушел на то, чтобы пробиться к главному распорядителю двора лорда Моариса. Херндон объяснил ему, что помимо своей воли был задержан на далеких от Борлаама планетах, что у него весьма серьезные намерения возобновить службу у Моариса и что выполнять возложенные на него обязанности он будет честно и самозабвенно. После некоторых пререканий он был восстановлен в должности одного из младших распорядителей и ознакомлен с функциями, которые ему положено выполнять в повседневной жизни разбросанного по всей стране хозяйства, которым, собственно, и являлся двор Моариса.

Прошло несколько дней, прежде чем ему удалось хотя бы мельком увидеть леди Моарис. Это его вовсе не удивило – дворец занимал несколько гектаров Борлаам-сити, а лорд и леди жили на одном из самых верхних этажей огромного здания, в то время как остальное пространство было занято библиотеками, танцевальными и фехтовальными залами, картинными галереями и помещениями для хранения несметных сокровищ Моариса. Все эти залы и комнаты требовали от обслуживающего персонала ежедневной тщательной уборки.

Херндон увидел леди Моарис, когда проходил по галерее шестого этажа в поисках перехода на седьмой этаж, где ему было поручено составить каталог развешанных там картин. Сначала он услыхал шелест кринолина, а затем увидел, как она пересекает один из залов в сопровождении двух бронзовотелых гигантов с планеты Топпид, направляясь к группе ожидавших ее дам в сверкающих вечерних туалетах.

Сама леди Моарис была одета в платье прямого покроя, что еще больше подчеркивало безупречные линии ее тела. Лицо ее было печальным. Херндону показалось, насколько он мог определить издали, что ее что-то угнетает.

Он отступил в сторону, чтобы пропустить процессию, однако она заметила его и бросила мимолетный взгляд в ту сторону, где стоял Херндон.

Как только она узнала его, глаза ее расширились от удивления. Он не осмелился улыбнуться. Он смиренно ждал, пока

она пройдет мимо, но внутри не без злорадства ликовал. Было нетрудно прочесть выражение ее глаз.

В этот же день, несколько позднее, слуга-агозлид подошел к нему и молча вручил запечатанную записку. Херндон спрятал ее в карман и направился в такое место коридора, которое было недоступно для тайного надзора. Он знал, что находится в полной безопасности, так как здесь скрытая телекамера была неисправна. Он сам демонтировал ее в это утро, имея ввиду чуть погодя установить новую.

Херндон взломал печать. В записке было:

«Приходите ко мне вечером. Я уже целый месяц вас дожидаюсь. М. должен провести ночь во дворце Властителя. Ко мне вас пропустит Карла».

Светочувствительные чернила мгновенно исчезли. Бумага в его руке была чиста. Улыбнувшись, он швырнул ее в ближайшую урну.

Когда с наступлением поздней ночи во дворце пригасили освещение, Херндон незаметно прокрался на двенадцатый этаж, туда, где размещался будуар леди. Ожидавшей его дамой была Карла, та светловолосая девушка, которая служила посредницей между ними на борту «Лорда Насийра». Сегодня она дежурила в будуаре леди и на ней была ночная рубашка из прозрачного шелка, что являлось, без сомнений, испытанием прочности его чувств.

Стараясь не глядеть на ее, фактически обнаженное, тело, Херндон спросил:

– Меня ждут?

– Да. Следуйте за мною. – Херндону показалось несколько странным выражение ее глаз. Трудно было разгадать, что оно означало – вожделение, ревность, может быть, даже ненависть? Однако девушка быстро повернулась к нему спиной и повела по коридору, слабо освещенному незаметными ночными светильниками. Остановившись, она коснулась одной из стен. На ее поверхности на какое-то мгновение высветились контуры двери и исчезли.

Херндон прошел внутрь, и проем в стене у него за спиной тотчас же сомкнулся.

За дверью его ждала леди Моарис. На этот раз на ней не было ничего, а глаза горели страстным желанием.

– Здесь безопасно? – спросил Херндон.

– Да. Моарис у Креллига. – Губы ее с горечью изогнулись. – Почти все свои ночи он проводит, забавляясь с женщинами,

которых выбросил за ненадобностью Властитель. Будуар не просматривается. Моарис никак не сможет узнать о том, что вы побывали здесь.

– А эта девушка, Карла? Вы доверяете ей?

– Настолько, насколько вообще можно кому-либо доверять. – Руки ее искали плечи Херндона. – Бродяга мой, – прошептала она, – почему ты покинул нас на Моллекоге?

– Меня отвлекли дела, миледи.

– Мне недоставало тебя. Без тебя мне было скучно на Моллекоге.

Херндон грустно улыбнулся.

– Поверь, у меня не было выбора. Ведь у меня еще есть свои обязанности перед другими, которым я присягнул.

Она нетерпеливо прильнула к нему. Херндона охватило чувство жалости к этой прекрасной аристократке, первой среди придворных дам, обреченной на то, чтобы искать любовников среди дворецких и другой мелкой придворной челяди.

– Все, что у меня есть – твое, – пообещала она Херндону. – Проси у меня что угодно! Что угодно!

– Есть только одна награда, которой ты могла бы меня удостоить, – с печалью в голосе произнес Херндон.

– Только назови. Цена не имеет значения.

– Она ничего не стоит, – сказал Херндон. – Мне нужно только приглашение ко двору Властителя. Ты можешь раздобыть его с помощью своего мужа. Сделаешь это ради меня?

– Несомненно, – прошептала она и, сгорая от желания, обняла Херндона.

– Я переговорю с Моарисом завтра же.

6

В конце недели Херндон снова навестил штаб-квартиру на Бронзовой авеню и узнал от Боллара Бенджина о том, что торговля звездными камнями процветает, что соглашение с Властителем стало просто подарком судьбы для синдиката и что скоро они распродадут весь свой запас камней. И вследствие этого, где-то через неделю-две ему придется совершить еще один вояж на Вайпор. Херндон согласился, но попросил жалованье авансом за два следующих месяца.

– Я не вижу причин для того, чтобы отказывать вам, – сказал Бенджин.

– Вы – ценный для нашего дела человек, а денег у нас достаточно.

Он вручил Херндону чек на десять тысяч стеллоров. Херндон сердечно поблагодарил его и пообещал немедленно с ним связаться, как только настанет время отправляться на Вайпор.

Вечером того же дня Херндон отбыл на Мельд-17, где отыскал хирурга, совершившего пластическую операцию, изменившую его лицо, после того, как он спасся бегством из разграбленного поместья в Зоннигоге. Он потребовал от хирурга, чтобы тот произвел определенные изменения некоторых внутренних органов. Хирург долго сопротивлялся, настаивал на том, что такая операция крайне рискованная, очень трудная, что вероятность благополучного исхода куда менее пятидесяти процентов, однако Херндон был неумолим.

Операция обошлась ему в двадцать пять тысяч стеллоров. Это были почти все деньги, которыми он располагал, однако Херндон считал, что они окупятся с лихвой. На следующий, после операции, день он вернулся на Борлаам. Прошла еще одна неделя после поездки на Мельд. За это время он снова приступил к выполнению своих обязанностей в качестве одного из дворецких лорда Моариса и провел еще одну ночь с леди Моарис. Она поведала ему о том, что выпросила у мужа столь необходимое Херндону обещание, и что он в ближайшем же будущем будет приглашен ко двору. Моариса совершенно не интересовали мотивы, которыми она руководствовалась, испрашивая приглашение, но она не сомневалась в том, что этот вопрос будет решен положительно.

Через несколько дней личный секретарь Моариса вручил Барру Херндону из Зоннигога официальное уведомление, в котором говорилось, что лорд Моарис соблаговолил оказать покровительство Барру Херндону и теперь от Херндона ожидают,

что он засвидетельствует свое почтение самому Властителю Креллигу.

В этот же день пришло приглашение от Властителя, доставленное одним из курьеров Креллига – роскошно разодетым гигантом, уроженцем планеты Топпид. В нем предписывалось под страхом навлечь гнев Властителя, присутствовать на аудиенции, даваемой Креллигом своему двору, которая должна состояться вечером следующего дня. Херндон торжествовал. Его карьера среди аристократии Борлаама достигла кульминационной точки – ему разрешено было находиться рядом с особой сюзерена. Это было вершиной всех его устремлений.

Он облачился в приличествующее придворное одеяние, приобретенное еще за несколько недель до этого события – одеяние, стоившее ему более тысячи стеллоров, сверкающее великолепием драгоценных камней и редких металлов, покрывающих его. Он посетил самый роскошный косметический салон и обзавелся искусственной бородой. Это было данью последней моде и практиковалось многими придворными, которым не нравилось отращивать бороду, но которые желали демонстрировать ее на различных церемониях, как свидетельство высокого статуса. Он принял ванну, тщательно причесался, надушился, то есть сделал все необходимое для успешного дебюта при дворе.

Он также проверил, чтобы те хирургические изменения, которые произвел в его теле хирург с Мельда, возымели действие в нужный момент.

Наконец наступил долгожданный вечер. Высоко в небе плясали яркие луны Борлаама, над крышами столицы полыхал праздничный фейерверк, засыпая их гаснущими бриллиантами и жемчугами. Он означал, что именно в этом месяце родился ныне здравствующий Властитель Борлаама.

Херндон послал за предварительно заказанным экипажем. Это была великолепная четырехтурбинная модель, сверкавшая яркой золоченой краской.

В последний раз покинул он свое убогое жилище и взмыл в ночное небо. Через двадцать минут турболет совершил посадку во внутреннем дворе Большого Дворцового комплекса Борлаама, состоявшего из громоздившихся друг на друга великолепных чертогов, которые зловеще нависали над остальными кварталами столицы и были замкнуты в неприступной твердыне на Огненной Горе.

Лучи многочисленных прожекторов ярко освещали Большой Дворец.

Кого-нибудь другого могло умилять это свидетельство

невероятного могущества монархии Борлаама. Херндон же весь пылал священным гневом.

Когда-то его семья тоже жила во дворце – разумеется, не таких размеров и не столь вычурной архитектуры, ибо обитатели Зоннигога были людьми скромными, без особых претензий. Но все же это был дворец – до тех пор, пока солдатня Креллига не разрушила его до основания.

Выйдя из кабины турболета, Херндон предъявил приглашение надменным часовым Властителя, дежурившим у входа. Они пропустили его, предварительно тщательно проверив, нет ли припрятанного оружия, а затем препроводили его в вестибюль, где он встретился с лордом Моарисом.

– Так вот вы какой, Херндон, – задумчиво произнес Моарис, искоса глядя на бороду Херндона и даже слегка дернув за нее.

– Я благодарен вам за ту честь, которой удостоила меня ваша светлость в этот вечер, – сказал Херндон, заставив себя несколько преклонить колени перед лордом Моарисом.

– Нужно благодарить не меня, – заговорщицки хихикнул Моарис. – Это моя жена настояла на том, чтобы ваше имя было внесено в список приглашенных. Но, как я полагаю, вам это все известно и без меня. Ваше лицо мне знакомо, Херндон. Интересно, где же я встречался с вами раньше?

Моарису, по-видимому, было известно о том, что Херндон уже был у него на службе. Но Херндон предпочел напомнить о другом.

– Я как-то имел честь перехватить у вас на торгах раба-протея на невольничьем рынке, милорд.

Какое-то смутное воспоминание промелькнуло на лице Моариса, и он натянуто улыбнулся.

– Действительно, я, кажется, что-то такое припоминаю. – Прозвучал гонг. – Мы не должны заставлять Властителя ждать нас, – сказал Моарис. – Идемте. – Вместе они вошли в Тронный зал Властителя Борлаама.

Моарис вошел первым, как и положено в соответствии с его высоким рангом. Он занял свое место слева от монарха, который восседал на возвышенном троне, украшенном знаменами цветов Борлаама, пурпурным и золотым. Херндон хорошо знал правила этикета и немедленно опустился на одно колено.

– Поднимитесь, – скомандовал Властитель. Голос его напоминал шуршание сухих листьев, был едва слышен, но тем не менее был властным. Херндон поднялся и взглянул прямо на Креллига.

Монарх был высохшим, бесплотным, невысоким человеком.

Создавалось даже впечатление, что он был горбуном. Два, похожих на бусинки, вселяющих ужас в окружающих, глаза мерцали на его сморщенном, пресытившемся жизнью лице. Губы Креллига были тонки и бескровны, нос был похож на рубец, деливший лицо на две половины, подбородок узким клином выпирался вперед.

Затем взор Херндона обратился на то, что окружало монарха. Тронный зал, как он и ожидал, был поистине огромен. Его высокие своды поддерживали четыре могучие колонны. Вдоль стен теснилось несколько рядов придворных.

Среди них было немало женщин, и Херндон не сомневался в том, что не один десяток из них были любовницами Креллига.

Посреди зала с потолка свешивалось нечто, напоминающее огромную клетку, полностью задрапированную несколькими слоями красного бархата.

Внутри нее, по-видимому, таился какой-нибудь из свирепых хищников любимцев Властителя. Возможно даже, гигантский кондор с планеты Виллидон с острыми загнутыми когтями и стальными иглами перьев.

– Добро пожаловать ко двору, – почти что прошелестел Властитель. – Вы, кажется, гость моего друга Моариса, верно?

– Так точно, сир, – отвечал Херндон. Голос его отдался громким эхом в тишине просторного зала.

– Сегодня Моарис собирается угостить нас каким-то, приготовленным им, небольшим сюрпризом, – заметил монарх. Плюгавый старикан зловеще хихикнул, предвкушая забаву. – Мы очень благодарны вашему покровителю, лорду Моарису, за те удовольствия, которые он доставит нам сегодня вечером.

Херндон нахмурился. В душу его вкралось смутное подозрение – а не сам ли он станет предметом развлечений придворной знати? Но он без страха смотрел в будущее. Прежде, чем закончится этот вечер, сначала он сам на славу позабавится с другими.

– Поднимите занавес, – распорядился Креллиг. В тот же миг из всех углов Тронного зала появились рабы-гиганты с Топпида и одновременно потянули за толстые канаты, которые удерживали драпировку клетки. Тяжелые складки бархата медленно поднялись, открыв взору, как и ожидал Херндон, огромную клетку.

Внутри нее находилась молодая женщина. Она висела, подвешенная за запястья к горизонтальному стержню, на крыше клетки. Женщина была совершенно голая, стержень медленно вращался вокруг вертикальной оси, поворачивая ее, как нанизанную на вертел дичь. Херндон весь похолодел, не

осмеливаясь пошевелиться, и с изумлением глядел на стройное обнаженное тело, раскачивающееся внутри клетки.

Ибо это тело в клетке было хорошо ему знакомо.

Женщиной в клетке была леди Моарис. Властитель Креллиг милостиво улыбнулся и кротко прошептал:

– Моарис, спектакль за вами, да и зрители все в сборе. Не томите нас ожиданиями.

Моарис медленно вышел на середину зала. До блеска отполированный мрамор, по которому он шел, отражал, как в зеркале, его зловещую фигуру.

Шаги его грохотали как весенний гром.

Повернувшись лицом к Креллигу, он спокойным голосом произнес, прекрасно владея собой:

– Леди и джентльмены двора нашего Властителя, я нижайше прошу вашего соизволения на то, чтобы прямо у вас на глазах уладить одно небольшое недоразумение, касающееся меня лично. Леди в этой клетке, как большинство из вас, как я полагаю, давно догадались, является моей законной супругой.

Тотчас же прекратились все разговоры, которые вели между собой собравшиеся в Тронном зале придворные кавалеры и дамы. Моарис дал знак, и вспыхнувший где-то внизу прожектор ярко высветил тело женщины в клетке.

Херндон теперь увидел, что ее запястья были самым безжалостным образом изуродованы, а вздувшиеся синие вены рельефно выступали на фоне белоснежной кожи. Раскачиваясь, она описывала бесконечные круги вместе с вращавшимся под крышей клетки стержнем. Капли пота катились по ее спине и животу, и в наступившей тишине было отчетливо слышно, как ее дыхание прерывается хриплыми всхлипываниями.

– Моя жена нарушила супружескую верность, – небрежным тоном сообщил придворным Моарис. – Некоторое время тому назад мне доложили об этом заслуживающие доверия слуги. Она обманывала меня несколько раз, и не с кем-нибудь, а с каким-то ничтожеством из моей челяди, с каким-то то ли дворецким, то ли лакеем, то ли кем-то еще того же сорта людей, о существовании которых мы, аристократы, до поры до времени даже не догадываемся. Когда я допросил ее, она не смогла опровергнуть мои обвинения. Властитель, – здесь Моарис, развернувшись к трону, низко склонил голову, – милостиво даровал мне высочайшее соизволение подвергнуть ее публичному телесному наказанию прямо здесь, к моему великому удовлетворению и вашей мимолетной забаве.

Херндон по-прежнему не двигался. Он внимательно следил за

всеми действиями аристократа. Моарис вытащил из-за пояса миниатюрный, сверкающий позолотой тепловой излучатель, и хладнокровно отрегулировал минимальный размер щели. Затем дал знак, и одна из боковых стенок клетки отворилась, обнажив перед ним цель.

Он поднял теплоизлучатель. Чирк! Из его раструба вырвался язык яркого пламени. Как только линия, толщиной в карандаш, обозначила ленту ожогов у нее на боку, жертва в клетке издала слабый стон.

Чирк! Снова огненный зайчик запрыгал по ее телу, оставляя мучительно болезненный след на ее груди, бедрах, спине. Тело ее беспомощно вращалось, а Моарис забавлялся, выжигая тепловым лучом запутанные узоры на ее теле.

Придворные задыхались от смеха, глядя на то, как корчится и извивается леди Моарис, пытаясь увернуться от безжалостной тепловой плети.

Моарис был знатоком своего дела. Рисуя на обнаженном теле женщины один орнамент за другим, он не переставал следить за тем, чтобы тепло не проникало глубоко в ткани организма и скользило только по поверхности кожи. Пытка в таком виде могла продолжаться часами, до тех пор, пока не закипит кровь в венах жертвы, после чего она умрет.

Херндон шестым чувством ощутил устремленный на себя пристальный взгляд Властителя.

– Приходятся ли вам по вкусу наши скромные придворные развлечения, Херндон? – спросил Креллиг.

– Не совсем, сир. – Удивленный гул прокатился по залу. Какой-то новичок среди придворных осмеливается перечить Властителю?

– Я бы предпочел для леди более быструю смерть, – сказал Херндон.

– Но ведь этим вы бы лишили нас того удовольствия, которое доставляет это зрелище!

– И все-таки я лично поступил бы именно так. – Неожиданно быстрым жестом Херндон распахнул свою усыпанную бриллиантами мантию. Властитель трусливо съежился, ожидая появления оружия, но Херндон только прикоснулся к небольшой пластине у себя на груди, активировав тем самым устройство, которое имплантировал в его тело хирург-мельдианин. Теперь нейронная сеть под его кожей стала работать в обратную сторону. Собирая воедино энергию ненависти, накапливаемую в каждой клетке тела Херндона, она многократно усиливала этот заряд и устремляла смертоносный разряд вдоль руки.

Ослепительная огненная дуга изверглась из указательного

пальца Херндона и обволокла женщину в клетке.

– Барр! – закричала она, наконец-то нарушив свое молчание, и тут же скончалась.

Херндон еще раз разрядил энергию своей ненависти, и Моарис, взмахнув почерневшими от ожогов руками, выронил теплоизлучатель.

– Позвольте мне наконец-то представиться, – произнес Херндон.

Креллиг, с побледневшим от ужаса лицом, тупо уставился на него, а вся напуганная придворная знать беспорядочно сгрудилась в дальнем углу зала. – Я – Барр Херндон, сын Первого графа провинции Зоннигог. Где-то около года тому назад по прихоти одного из ваших придворных, вы опустошили владения своих собственных вассалов в Зоннигоге и загубили всю мою семью. Я не забыл тот день.

– Схватить его! – пронзительно взвизгнул Креллиг.

– Любой, кто захочет прикоснуться ко мне, будет предан огню, предупредил Херндон. – Любое оружие, направленное на меня, обратится против того, кто его применит. Сохраняйте спокойствие и выслушайте меня до конца.

Я также Барр Херндон – младший распорядитель двора лорда Моариса и возлюбленный женщины, только что скончавшейся на ваших глазах. Вы должны гордиться, Моарис, что человек, наставивший вам рога, не был простым дворецким, а был первым аристократом Зоннигога.

Я также, – продолжал он в гробовой тишине, – Барр Херндон – бродяга из космоса, вследствие гибели своих имений вынужденный заниматься ремеслом наемника. В этом воплощении я стал контрабандистом звездных камней, и, он поклонился в сторону трона, – благодаря иронии судьбы оказался вассалом, давшим клятву верности не кому иному, как вам, Властитель.

Настоящим я беру назад данную мною клятву преданности вам, Креллиг и за преступление, выражающееся в нарушении присяги своему монарху, приговариваю себя к смерти. Но одновременно с этим, я выношу смертный приговор и вам за беспричинное нападение на мою Родину. А вы, Моарис – за ваше жестокое и варварское обращение с этой женщиной, которую вы никогда не любили, тоже должны умереть.

А также и все вы, вы – придворные паразиты, низкопоклонники и лизоблюды, вы тоже должны умереть. И вы, дворцовые шуты, дрессированные медведи и порабощенные существа с далеких планет. Я убью вас, так же, как недавно убил

своего раба-протея, но не из ненависти к вам, а из сострадания, чтобы избавить вас от дальнейших мучений.

Херндон закончил свою речь. В зале стояла напряженная тишина – двор был охвачен ужасом. Затем кто-то справа от трона завопил:

– Он с ума сошел! Давайте выбираться отсюда!

Этот придворный бросился к главному входу, двери которого были прикрыты. Херндон позволил ему приблизиться к заветной цели, но когда осталось всего лишь три метра до того места, где он мог почувствовать себя в безопасности, Херндон выпустил в него залп своей жизненной энергии. Это перезарядился механизм внутри его тела, черпая в ненависти, накопившейся в нем, свою силу, и снова разрядился через кончики пальцев.

Бледному, как смерть, лорду Моарису Херндон сказал, улыбаясь:

– С вами я поступлю более великодушно, чем вы по отношению к своей леди. Вас ждет быстрая смерть.

С этими словами он обрушил на аристократа удар своей жизненной энергии. Моарис отпрянул, но здесь негде было спрятаться. Какое-то мгновение он стоял, вспыхнув как факел, затем обуглившиеся останки его рухнули на пол.

Еще один удар смел с лица земли толпу придворных. Следующий свой удар Херндон направил на трон. Сначала вспыхнули золотые и пурпурные знамена монарха. Креллиг наполовину поднялся, но пламя охватило все его тело и швырнуло труп назад на пылающий трон.

Теперь Херндон стоял в центре Тронного зала в гордом одиночестве.

Цель его жизни была достигнута – возмездие свершилось. Осталось только привести в исполнение последний приговор – в отношении себя за нарушение присяги, которой он помимо своей воли был связан с Властителем.

Жизнь больше не имела для него никакого смысла. Он с отвращением отвергал возможность возвращения к карьере космического бродяги, и только теперь смерть сулила ему освобождение от обязательств.

Сверкающий луч энергии он направил на одну из огромных колонн, поддерживающих своды Тронного зала. Она почернела и рухнула. За нею последовала вторая, затем третья.

Крыша затрещала. Впервые за многие годы сотни тонн дворцового перекрытия неожиданно остались без поддержки. Еще несколько мгновений торжествующая улыбка играла на лице Херндона, затем обрушившиеся своды погребли под своими обломками его тело.